

**Герои девятой
пятилетки**

ВАДИМ КУРОПАТКИН

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИЗ КАЛИНОВКИ

Очерк

Трудно судить, что было написано на роду Ивану Колесникову. Закончил десятилетку, и товарищи по комсомолу на районной конференции решили так — быть ему первым секретарем Петровского райкома. А он хотел учиться. За два года секретарства знал назубок нужды села, запросы молодежи. Понимал — а в теории слабоват. Учиться, учиться!

Еще пять лет — закончена высшая партийная школа. В Александровском райкоме партии появился новый заведующий отделом агитации и пропаганды. Среди многих дел он создает ансамбль «Колос», сам — один из его солистов. Вскоре коллектив художественной самодеятельности становится известным в районе, его посылают в Москву на Всероссийский смотр народных талантов.

Колесников всегда находит время упорно учиться. Поступает заочником на философский факультет Ростовского университета.

Но его постоянно влекла к себе земля, он любил сельское хозяйство. Ленинские слова «хозяйственная политика» имели для него глубокий смысл. Не приусадебный участок, а колхоз должен обеспечить полностью каждого труженика. Но как?

Колесников не был одинок в своих поисках — тысячи партийных работников думали о том же. И позднее

мысли каждому нашли четкое развитие в решениях мартовского Пленума ЦК партии 1965 года о планировании снизу, о самостоятельности колхоза, о материальной заинтересованности труженика.

В ту пору колхоз в селе Калиновском — крупнейший в районе — хромал на обе ноги, в нем распоясались расхитители. Требовались перемены в руководстве. Нужен был не просто честный человек, а хороший организатор, видящий завтрашний день села.

И однажды первый секретарь райкома сказал, обращаясь к Колесникову:

— Не будем искать далеко. Ведь ты — готовый председатель. Пойдешь, если примут калиновцы! Ответил не сразу. Подумал, и — твердо: «Пойду!»

Внутренне выбор им был сделан раньше. Земля тянула...

Много значит первое знакомство с человеком. Лично я с первых минут почувствовал себя так, словно зная Ивана Логвиновича давным-давно. Рангов для него не существует — одинаково отнесется к любому человеку, зайдет ли к нему тракторист или секретарь райкома, водитель, привезший уголь, или пришедшая с жалобой колхозница. Впечатление у любого, с кем бы я ни говорил о Колесникове, одно: «Хороший человек».

Получается совсем как у Макаренко: «Хорошего человека сразу видно».

В Калиновке в полную силу проявился талант Колесникова-организатора, Колесникова-воспитателя. История колхоза за последние десять с лишком лет — история председателя, их не разорвать.

Первые пять лет председательства... Как их забудешь!

Повели поиск в разных направлениях. Иногда «хватались» за такое, над чем позднее сами от души смеялись. Посеяли сорго на веники. Расчет: миллион веников — миллион рублей. Да так вышла на бумаге да на конторских счетах. Хорошо что ставку делали на семенную кукурузу, подсолнечник, клещевину. Они кое-что дали, но урожаи и хлеба, и пропашных росли по-черепаши. Иван Логвинович знал, что подобные шаги нужны, но они не решают «гвоздевой» проблемы — активного вовлечения каждого калиновца в колхозное производство.

— Вот почему,— говорил он,— мы так приветствовали мартовский Пленум ЦК 1965 года. Партия ясно дала пенять, что только колхозник — настоящий хозяин земли и нужно доверять его опыту, его уму.

Колхоз получил твердое задание на пять лет по продаже зерна, мяса, молока, шерсти. А как и за счет чего выполнить план — решать надо самим. Именно тогда пригодились по-настоящему знания, накопленные Колесниковым. Он оказался и экономически, и политически гораздо дальновиднее многих. Именно тогда Иван Логвинович добился внедрения новой организации труда, безнарядного аккорда. Дела ее всех отношениях нового.

В растениеводстве, животноводстве, садоводстве были созданы на добровольных началах звенья, механизированные и ручного труда. Звено, вся деятельность которого базируется на трех принципах — хозрасчетность звена с колхозом; самоуправление; полная зависимость

заработка от конечного продукта — стало в колхозе основной производственной единицей.

Такая организация выражает изначальную суть хозяйственного расчета: интересы личности, коллектива смыкаются с интересами общества. Ведь звено в целом и каждый его член заинтересованы в одном — получить как можно больше продукции, потому что лишь от этого зависит величина их заработка. А разве общество заинтересовано не в этом же! Достичь такого единения интересов, то есть аккорда («аккорд» в переводе на русский как раз означает «согласие») оказалось очень и очень непросто. Но колхозники уже настолько доверяли Ивану Логвиновичу, его расчетам, что преодолели сопротивление сторонников обезлички и тех, кто в сдельщине видел средство от всех зол.

1972 год... Десятки совместных поездок. За день где только не увидят Колесникова — и на фермах, и в детских яслях, и в пионерском лагере, и в мастерских. Но чаще на культстанах или едет напрямик в поле. И в тот день мы заехали на клетку-стогектарку, где заканчивали сев.

Механизированное звено Николая Мочалова, Героя Социалистического Труда, знают на Ставрополье. На подножках сеялок вижу семнадцатилетних Гришу Постникова и Колю Исакова. А тракторы ведут Иван Кадацкий и Николай Ситников, асы своего дела. Ребята включают аппараты: семена пшеницы и горошины аммофоса устремляются вниз, в почву. Ведется сев точно с севера на юг, чтобы будущий зеленый покров был лучше освещен. И сеялке им разу не подпрыгнула, не накренилась. Почва разделана, словно стол.

Как-то ученые из МГУ, с которыми у Колесникова большая дружба, подсказали прочитать книгу русского агронома Овсинского «Новая система земледелия». Она давно стала библиографической редкостью. Нашли

один экземпляр в Центральной библиотеке имени В.И. Ленина. Иван Логвинович прочел и был поражен ясновидением забытого русского агронома. Он попросил перефотографировать два редких тома, и калиновцы читали книгу по очереди, как увлекательный роман.

Еще в прошлом веке Иван Евграфович Овсинский отказался от вспашки с отвалами, сконструировал конный культиватор, которым поверхностно обрабатывал почву. Нынешние плоскорезы, которыми пользуются в Калиновке, имеют сходство с этим культиватором, однако лишены многих его преимуществ. И Колесников послал ходоков на «Рестсельмаш», попросил «перечертить» культиватор Овсинского с конного на тракторный, изготовить за любые деньги.

Да, на полях колхоза наглядно убеждаешься, что в растениеводстве совершена настоящая революция. Двести лет как в селе Калиновском пахут землю и выращивают хлеб, но подобного здесь еще и близко не видели. На полевых станах, будто на выставке, знакомишься с техническими новинками. Здесь и мощные плантажные плуги, и протравители, и плоскорезы-культиваторы, взявшие на себя работу плугов, и наборы всевозможных борон. Глаза разбегаются.

А стерневые сеялки, это же чудо! Сами сеют, вносят удобрения, культивируют... Проверяя качество сева, мы с Колесниковым видели: заделка семян равномерная по всему полю, ложится зерно как в перину. А подошва под семенами — ровная, сырая. Понятно, в том, что нет огрехов, есть и заслуга сеяльщиков. А ведь — семнадцатилетние ребята!

Взять хотя бы набор культур. Сколько раз приходилось видеть цветущие, «молочные» поля гречихи. Но и гречиха новая у нас культура, которую ввели в севообороты калиновцы по инициативе Колесникова. Теперь гречиха прочно укрепилась на

Ставрополье. А забудешь разве розовые поля эспарцета, зелено-белые — гороха! Это лучшие предшественники озимой пшеницы.

Иван Логвинович не только прочел книгу Овсинского, прочел книгу американского фермера «Безумие пахаря», но убедил колхозных агрономов, бригадиров, звеньевых, что от вспашки плугом пора отказаться. Было введено новое землеустройство, основу в севооборотах составили зерновые и бобово-злаковые, восстанавливающие плодородие почвы. Идет техническое перевооружение. Ну, а вроде бы побочные вопросы! Допустим, сроки сева?

Что ни говори, а урожай озимых наполовину зависит от сроков сева. Нелегкая выдалась жатва в 1972 году. В одних колхозах не устояли хлеба против зимнего холода, в других — против летней засухи, в третьих — после ливневых дождей в разгар уборки. По Александровскому району собрано на круг по одиннадцати центнерам зерна. Колхоз «Комсомолец» взял с каждого гектара по девятнадцать центнеров. Понятно, калиновцы недовольны таким, урожаем, но все-таки превышение на восемь центнеров по сравнению с другими хозяйствами значительно — это же почти тонна хлеба с каждого гектара! А сделали свое дело в этом и сроки сева.

Колхозники припоминают, как их председатель на собрании еще в 1969 году говорил: «У агронома всегда ссылки на погоду. Нет урожая — сразу: стихия виновата. А есть урожай, агроном тут как тут: видите, какой я хороший специалист.

Ну а я скажу так: невелика тебе цена, если не можешь перехитрить погоду. Скажем, сроки сева озимых. Мы сеем пшеницу с 20 сентября, а через пяток дней и до начала октября, как правило, у нас в районе идут дожди».

Мне запомнился этот разговор. И Колесников оказался прав. Осенью, именно с 21 сентября, день в день, задождило. И если тогда калиновцы еще

не успели отсеяться до дождей, то в 1970 году сев завершили за неделю, с 18 по 25 сентября. А вскоре полил дождь. Типично осенний. Небо нахмурилось надолго, и по всему району сев был прекращен. Временно, разумеется. А калиновцам дожди уже были не страшны, напротив, на пользу урожаю. И в жатву 1971 года они собрали по 32 центнера хлеба с каждого из пяти тысяч гектаров посева!

Калиновцы, верные замеченному ими «графику» дождей, и в 1972 году отсеялись к 25 сентября. Стогектарка, на которой мы побывали с председателем, была последней. И что же? Наблюдения не подвели: вскоре зарядили дожди. К ноябрю озимые дружно взошли, хорошо развились.

Лесополосы, снегозадержание обеспечат дополнительную влагозарядку. Прибавку урожая гарантируют и новые высокоурожайные сорта. А минеральные удобрения? А нормы высева? Калиновцы и в большом, и в малом опираются на свой коллективный опыт.

«Дождь — главный агроном!». Эту фразу на всякие лады повторяют по ставропольским селам и хуторам, непререкаемо веря во всемогущество дождя и мало доверяя живым агрономам. Но Колесников и колхозные агрономы — исключение из правил. Им верят. Верят потому, что могущество человека, науки они доказывают ежегодными высокими урожаями.

Тот же 1972 год... Зима «задержалась» на две недели, а в мае-июне засуха. Ясно, большого урожая озимых не жди. Как быть? Видимо, осадки придется на вторую половину лета. Это «на руку» кукурузе и подсолнечнику. И, применяясь к погоде, в колхозе не мешкая занялись повторными посевами. Сеяли днем и ночью, и к июню засеяли дополнительно две тысячи гектаров кукурузы! За счет кукурузного зерна сбалансировали недобор хлеба.

Так поступают рачительные земледельцы. Ведь не в одной Калиновке, а по всему району знали, чем грозит

засуха. Но пока обдумали, пока развернулись, и лето прошло. Колхоз «Комсомолец», один, повторно засеял кукурузы больше, чем все остальные хозяйства Александровского района, вместе взятые.

Однако главным всегда остается пшеница. Недаром говорят, что никакая глыба золота не перевесит крошку хлеба. И поэтому калиновские механизаторы севу под урожай 1973 года отдали все силы, знания, мастерство.

Что же представляет из себя коллектив механизированного звена? Откуда звено черпает людские резервы! Это важна и для рассказа о Колесникове, потому что за всем этим — председатель.

Безнарядные звенья в «Комсомольце», не просто прижились, без них нельзя представить хозяйства. Здесь отказались от ежегодного утверждения их состава. Зачем, если он не меняется? Но ежегодно звенья пополняются молодежью. Это, в основном, выпускники Благодарненского профтехучилища, юноши из коренных калиновских семей.

Звено Николая Мочалова типично в этом отношении. В 1972 году состав звена (он остался таким же и в 1973-м) был следующим: двадцать трактористов и два слесаря-наладчика.

Семнадцатилетние Гриша Постников и Коля Исаков — курсанты профтехучилища, преходящие практику. Закончив учебу, они уйдут на службу в Советскую Армию, а их место через год займет такая же «зеленая» молодежь.

Второй возрастной диапазон — тридцать-тридцать пять-сорок лет. Это ветераны звена, то ядро, которое сложилось с первых дней создания, с 1965 года.

По возрастной структуре звено строится очень удачно. Молодежь перенимает опыт у старших, здесь введено наставничество. Василий Корчагин рассказывает:

— Пришел в коллектив после десятилетки, в 1967 году. Сразу почувствовал спаянность людей. Немного я тогда знал, опыта — никакого.

С трактором толком не мог справиться. Знатоки техники объяснили, не раз, не два показали. Все были заинтересованы в том, чтобы я стал на ноги, обучился профессии. Таков сам смысл безнормальной оплаты: один стоит за всех, а все — за одного.

Я далек от мысли, что все опытные механизаторы охотно помогают молодежи. Люди разные, разное у них и сознание. Поэтому еще случаются обидные конфликты. Виктор Буераков — к нему прикрепили Петю Ершова, однажды в сердцах заявил Мочалову:

— Ершов пусть не садится на мой трактор! Я ремонтирую, а он ломает. То ключ потеряет гаечный, то недоглядит, и снова поломка. Не хочу с ним работать.

— Так это, оказывается, всего-навсего твой трактор? — с недоброй подковыркой спросил Николай Васильевич Ситников. — А мы и не знали!

— Петя не лодырь, — поддержал Виктор Сенченко. — Не видишь, как парень старается! Ну, не получается пока. А со временем будет получаться.

Слышались и более резкие слова. А Николай Мочалов молчал, и Буераков отошел. Возможно, он еще таил обиду на товарищей, но таких заявлений больше не слышали от него.

Было это прошлым летом, в конце июня. Ершов так и не узнал о конфликте. После обеда Мочалов поехал с ним, на комбайне на клетку озимого ячменя. Звеньевой отбил ему загонку, показал, как делаются обкосы и прокосы. Да не е одним Ершовым, а с каждым новичком Мочалов подолгу беседует, часами сидит в кабине трактора или стоит на мостике комбайна. Бережно поправляет, если новичок допустил промах. И во всем этом сказывается выучка Колесникова, Сам Николай — один из первых воспитанников Ивана Логвиновича.

Самоуправление звена — не фикция. Его члены сами решают, кого принимать, кого увольнять. Любые другие вопросы. Не всегда и Мочалова поддержат.

Кого я ни спрашивал из молодых

механизаторов колхоза, что наиболее привлекает их в звене, они отвечали: «Товарищество».

Все это предвидел Колесников в далеком теперь 1965 году. Водитель трактора и хозяин земли — в одном лице — главный принцип хозрасчетных звеньев.

Коллектив каждого звена в колхозе — сложный социальный организм, который постоянно развивается, усовершенствуется.

«Начинайте с самого себя!» Это правило Ивана Логвиновича. Около года я не пропустил ни одного заседания правления колхоза. Скажу, что здесь председатель — дирижер. Умный дирижер, видящий каждого исполнителя, кто чем дышит.

Выработать стиль руководства — задача не из легких. Очень метко, на мой взгляд, определила старый стиль — до Колесникова — одна пожилая колхозница:

— Бывало, сойдутся члены правления на заседание, и пошло! Один слово скажет, второй пяток добавит, третий речь произнесет — и все об одном и том же. Так и хочется сказать: «И что вы, мужики, одну и ту же копну молотите! Не надоело?»

Как частый гость на заседаниях, могу удостоверить, что ни разу не довелось слышать пустопорожней болтовни. Какой бы вопрос ни решался — формирование ли отар, закладка долговременных культурных пастбищ, выполнение заданий по надоям молока или что иное, решаются они деловито, по-хозяйски.

Вспоминается такое. Как-то в июле зачитывался отчет по так называемой 24-й форме, по животноводству. Колесников обратил внимание на то, что ежесуточные привесы молодняка 700—800 граммов. «Маловато», — покачал головой. Главный зоотехник пустился в объяснения. Июнь-июль жаркие, все сохнет на корню. Он просил для подкоса зеленой массы несколько полей кукурузы, закончил обнадеживающе:

«Осенью будет фураж, докормим бычков».

—Кукуруза только в рост пошла,— заметил кто-то.— Покосим, останемся без силоса.

—Не отдадим кукурузу, да?— спросил Иван Логвинович членов правления. И вдруг — неожиданно для всех:— Мало читаете, дорогие товарищи! Знаете, как откармливают скот в той же Америке?

И он кратко рассказал об интенсивном откорме, который начинают зеленой массой, а к концу дают молодняку 80 процентов концентратов. И тут же, пристукивая карандашом по столу, энергично:

— Не растягивайте откорм! За июль - август, сентябрь откормим бычков и сдадим на мясокомбинат. Чем сейчас кормить! Горох обмолочен, из него и пшеницы делать искусственное молоко. Дать молодняку гороховую свежую солому, по возможности зеленки. Следите, чтобы были минеральные добавки. Повести деле так, чтобы через неделю повесить привесы до полутора килограммов на голову. И думайте, думайте, не забывайте, что вы не администраторы, а технологи производства!

Я бывал и на рядовых, и на «громких» заседаниях. Но всегда видел: для каждого участника все предельно ясно, понятно. Колхозники говорят:

— Это от председателя. Не любит он никакой расплывчатости, строго требует от специалистов.

На эту требовательность никто не обижается, потому что больше, чем, от других, требует Колесников с самого себя.

Многие убеждения Ивана Логвиновича похожи на острые углы, о которые споткнется человек равнодушный.

Еще семь лет назад ей предлагал специализировать колхоз па откорму скота. Александровское сельхозуправление, живущее заботами дня, было категорически против. Теперь, когда жизнь сама подталкивает к

углубленной внутрирайонной специализации, на девятую пятилетку запланировано: колхоз «Комсомолец» займется откормом всего молодняка района. А у Колесникова уже был заказан и сделан проект мощной механизированной фермы, строительство которой заканчивается. Иван Логвинович говорит: «Зачем заниматься перевозками зерна? Мы будем производить и давать городу готовое дешевое мясо. Это гораздо выгоднее».

Бороться, а он борец по натуре, помогает ему экономический талант. Это не нечто от природы данное, а бережно воспитанное Колесниковым в самом себе качество. Он убежден, что современный председатель должен быть не узким специалистом, а экономистом прежде всего. Отдельные отрасли вполне могут вести агрономы, зоотехники, ветеринарные врачи, инженеры, а председатель обязан видеть весь ход развития хозяйства, намечать его.

Вот еще характерное выражение из словаря Колесникова: «Не скрывать, а вскрывать противоречия!» И два любимых слова, которыми он часто оперирует: «борьба» и «противоречие». Собственно, все время руководства он неутомимо ликвидирует противоречия, возникающие в процессе колхозного производства. И главным, с которым сразу столкнулся, было противоречие между оплатой труда и количеством и качеством произведенного продукта. Внедрением безрядного аккорда, созданием механизированных звеньев с главным противоречием, мешающим развитию, было покончено.

Не забудется День урожая. Скромность калиновских земледельцев известна. «Быть первыми в труде и последними в похвальбе»,— такова их заповедь. И учатся колхозники скромности у председателя, говорящего о самых дерзких начинаниях совершенно будничным голосом. Учатся у главного агронома Михаила Григорьевича Редько, наизусть знающего сложную книгу

колхозных полей.

Но праздник всегда праздник. Действительно, разве есть на земном шаре профессия, которая бы по своей красоте, величию и цепям была выше профессии хлебороба! Об этом говорилось с трибуны, об этом рассуждали празднично одетые сельчане в зале Дворца культуры.

Бесконечен был список имен передовиков, зачитанный Иваном Логвиновичем. Каждый колхозник так или иначе внес свою посильную лепту в высокий урожай. Алые ленты чемпионов украсили лучших механизаторов. Они с сотнями товарищей принесли в сияющий зал жаркое дыхание полей, дыхание завершённой жатвы.

День урожая... Каждый человек в огромном зале был взволнован.

Все смешалось в этот вечер. Пышные, румяные, с поджаристой корочкой хлебные караваи... Снопья янтарно-золотистой пшеницы, перевитые красными лентами... Пионеры в белоснежной форме и красных галстуках, провозглашающие здравицу отцам и матерям...

Два главных цвета преобладали в огромном зале — красный и солнечный. Это цвет знамен, цвет революции и цвет спелого хлеба. Давно ли стопудовые урожаи считались пределом? Ныне урожай калиновцев — двести пудов с гектара.

Но День урожая был не только торжеством, а прежде всего деловым отчетом калиновцев о сделанном за восьмую пятилетку. И о будущем, о котором говорил в своем докладе Колесников. Вот вкратце основные положения:

— На девятую пятилетку в полеводстве основная задача — борьба с водной и ветровой эрозией. Это — главный бич колхоза. Мы поставили эрозии заслон, перейдя на поверхностную обработку почвы: плоскорезы, стержневые сеялки. Заложены опыты с нормами высева, что дает экономию семян, повысит урожай.

— С осени 1970 года мы имели

1500 гектаров эспарцетового пара. Улучшилась структура почвы. При предшественниках эспарцете, гречихе и горохе наблюдаем «вспышку» урожая озимой пшеницы. В прошлом году мы заложили около двух тысяч тонн сенажа из эспарцета. И как только стали кормить коров по ненужному типу, пошло большое молоко. В сенаже есть все необходимое животному. Да еще активная подкормка горохом, в котором много белка.

— Отсюда вывод: обеспечение высоких сборов зерна гарантируют предшественники эспарцет и горох, а это одновременно обеспечивает животноводство кормами. Нужно решать обе проблемы — зерновую и кормовую в неразрывной связи. С таким набором культур мы освоим в девятой пятилетке 3-, 4- и 5-польные севообороты, так как они «поддаются» полной механизации. Все это, вместе взятое, даст возможность к 1975 году получать пять тонн зерна с гектара.

Забегая вперед, скажу, что уже к 1973 году многое сделано. И практика блестяще подтверждает выводы Колесникова, колхозных агрономов. Но далее... А животноводство? Иван Логвинович и по этой проблеме выступал без обиняков, справедливо полагая найти поддержку у колхозников. Он сказал:

— Зачем планируют нам держать двадцать тысяч несушек? Производство яиц лучше передвинуть ближе к городу.

— Мы же берем не себя производство говядины, строим откормочник на 10 тысяч голов.

— Мы имеем на сегодня 30 тысяч овец. За два года увеличим поголовье еще на десять тысяч. Специализация без концентрации — утопия. Вот почему во внутрихозяйственной специализации мы ориентировались на строительство животноводческих городков.

— Вы знаете, что мы строим овцеводческий комплекс с полной механизацией, где один человек будет обслуживать тысячу голов овец. Только так и нужно! Что же мы, молодежь с

аттестатом зрелости пошлем на кошары ветер ловить с ярыгой!

—Строим механизированную молочно-товарную ферму...

Замечу в этом месте, как тесно переплетаются материальные и духовные интересы села. Денежные затраты на строительстве огромны. Но эти затраты окупают и окупают себя тем, что молодежь охотно остается в селе. Многие, закончив десятилетку, работают механизаторами, а девушки — доярками, свиноводками. Колхоз полостью оправдывает свое имя — «Комсомолец».

В конце этого года вступит в строй овцеводческий комплекс. Механизация труднейшей отрасли омолодит тысячелетнюю профессию чабана. С окончанием строительства комплексов мясного и молочного направления животноводстве в колхозе станет исключительно делом молодежи.

А из чего исходил Иван Логвинович? В этом сказалась его глубокая вера в науку, в ее созидательную силу. Более пяти лет калиновцы, по инициативе председателя, поддерживают прочную связь с учеными Московского Государственного университета. В итоге ученые разработали план социального развития села на девятую пятилетку. В основе его лежит достижение двух задач — быстрое омоложение коллектива колхозников и резкое повышение образования. И — как хозяйственник, Колесников подготовился к этому, создавая солидную материальную базу.

Да, Иван Логвинович отлично понимает связь материального строительства с духовным. На очереди — гостиница, коттеджи для специалистов. Уже сейчас кадры специалистов в основном комсомольского возраста, тридцать юношей и девушек учатся в вузах за счет колхоза. Сформировалась на селе новая интеллигенция, которой по плечу решение самых сложных задач колхозного производства.

А колхозники? Имея теперь высокий заработок, они не хотят ютиться

в саманных мазанках, в которых жили отцы. Пройдешь любой улицей села, и через каждые три дома увидишь стройку. Уже поднялись сотни просторных кирпичных домов под шиферными крышами (ведь первое, что построил Колесников в селе, это кирпичный завод).

Происходит коренная перестройка сел, и сегодняшний председатель — строитель, Иван Логвинович не просто стоит, а стал энтузиастом созидания. И строят в Калиновском надолго, на века.

Вот Дворец культуры. Он оформлен московскими художниками и скульпторами, самому зданию присущи строгие и простые овалы, линии. В архитектуре Дворца, в его гигантских настенных панно мы чувствуем мысль современника. Строители, вооруженные знаниями предыдущих веков, осознают, что совершенство — в простоте.

Помимо Дворца, в помещениях которого одновременно занимаются и отдыхают две тысячи человек, действует двухэтажная вольница. Более двух лет дети колхозников учатся в прекрасных новых школах. Главную улицу освещают по ночам лампы дневного света. Вскоре начнется асфальтирование села. И все это принесла с собой безнарядная система труда, давшая изобилие.

Многих гостей, приезжающих перенять опыт, поражает, что здание правления колхоза старенькое, а кабинет Ивана Логвиновича и вовсе мал, тесен. Ведь нередко председатели начинают деятельность с того, что строят пышное правление, колхоза, в особенности отделявая свой кабинет. Колесников поступает наоборот: прежде Дворец, больница, школы, детские сады, животноводческие комплексы, а правление — в последнюю очередь. Бывает, ему указывают на несоответствие условий, в которых работают, к примеру, он и директор Дворца. Тогда председатель отшучивается: «У меня кабинет в голове».

Вообще у Ивана Логвиновича —

высокая личная культура. На людях он никогда не расслабится, не повысит голос, не сорвется. Весь — внимание, весь — желание выслушать и помочь колхознику. Лишь знающие его ближе понимают, каким напряжением, каким ежедневным самовоспитанием эта дается. Он постоянно на виду, он — образец, пример для тысяч сельчан. Однажды Колесников сказал: «Нет секунды, когда бы я забыл, что я председатель колхоза».

Иван Логвинович словно не замечает своей незаурядности. Он любовно выдвигает и поощряет молодежь. Когда Николай Мочалов был выдвинут делегатом XXIV съезда партии, Колесников — сам еще человек среднего возраста, был счастлив, как отец. Уходят на высокие должности специалисты колхоза, а председатель, у которого они прошли выучку, остается. Он сжился с людьми, и в этой верности селу — основа огромного авторитета Ивана Логвиновича у калиновцев.

Вот такой штрих. На сцене Дворца выступают столичные коллективы, постоянно — артисты краевой филармонии, Ставропольского драматического театра. Калиновцы охотно посещают концерты, смотрят спектакли. Но это еще пассивное приобщение к искусству. Формула Ленина - «Искусство принадлежит народу» — гораздо шире.

Сила искусства — в массовости, доступности каждому. И Колесников остался верен принципу комсомола: начинать с себя. В селе создан ансамбль «Калинка». Многие из руководителей колхоза, ссылаясь на занятость, отказались участвовать в нем. А Иван Логвинович не пропускает ни одной репетиции, поет в мужском хоре. И личное участие председателя, его увлеченность передаются людям.